

УДК 811.161.1'373.232(038)

Родина Н.А.

Смоленский государственный университет

**ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ БЫТОВАНИЯ МОЛОДЁЖНЫХ ПРОЗВИЩ
(НА ПРИМЕРЕ ПРОЗВИЩ Г. СМОЛЕНСКА)**

N. Rodina

Smolensk State University

**GENDER ASPECT OF AN EXISTING OF YOUTH NICKNAMES
(ON THE EXAMPLE OF NICKNAMES OF SMOLENSK)**

Аннотация. Несмотря на то что существует достаточно много работ по исследованию прозвищ, в том числе и молодёжных (работы начали появляться в середине 80-х гг. XX в.), комплексного исследования, показывающего динамику бытования прозвищ в молодежной коммуникации, пока ещё нет. В настоящей статье рассматривается гендерный аспект бытования современных молодёжных прозвищ, активных неформальных идентификаторов, на примере функционирования прозвищ в разновозрастных группах жителей города Смоленска. Впервые анализируемый с точки зрения гендерных различий живой фактический прозвищный материал позволяет выделить семантические и грамматические особенности проявления гендера в прозвищах.

Ключевые слова: прозвище, молодежь, гендер, гендерный подход, семантические особенности прозвищ, грамматические особенности прозвищ.

Abstract. Despite the fact that there are many studies of nicknames, including the youth ones (the works began to appear in the mid 80s of 20th century), a comprehensive study that would show the dynamics of existence of the youth communication nicknames has not been written yet. The article considers the gender aspect of an existing modern youth nicknames, active informal identifiers on the example of functioning of nicknames in uneven-age groups of residents of Smolensk. For the first time analyzed from the point of view of gender distinctions the live actual material allows to distinguish semantic and grammatical features of display of a gender in nicknames.

Keywords: nickname, youth, gender, gender approach, semantic features of the nicknames, grammatical features of the nicknames.

Вопросы, связанные с изучением индивида в первичной биологической оппозиции *женский пол – мужской пол*, актуальны в разных научных сферах, поскольку сегодня человек находится в центре гуманитарных знаний: философии [2; 13], социологии [6; 7; 17], психологии [4; 10], политологии [12], культурологии [15; 18], этнографии [20; 21], лингвистики [5; 8; 13; 14] и пр. В последнее время гендерный аспект находит отражение в специальных языковых исследованиях, в первую очередь, связанных с описанием языковой личности с учётом гендерных особенностей [1; 3] и феминизации общества [9].

В результате возникновения в XX в. междисциплинарной науки гендерологии образовался гендерный подход, основанный на идее приоритетности культурного и социального значения различий между мужчиной и женщиной перед биологическими или физическими различиями [19].

В научных трудах неодинаково понимается термин *гендер*. В качестве рабочего определения под названным термином мы понимаем отражённые в языке оппозиции по биологиче-

скому полу, которые обычно модифицированы социальной и культурной традицией.

Гендерные исследования лишь частично касаются ономастических проблем – специальных гендерных исследований нет. Поэтому мы на примере прозвищ делаем первую попытку рассмотреть гендерный аспект комплексно, с учётом социального, культурного и психологического компонентов.

Обратимся к определению прозвища, взятого из единственного словаря ономастической терминологии Н.В. Подольской: «Прозвище – вид антропонима. Дополнительное имя, данное человеку окружающими людьми в соответствии с его характерной чертой, сопутствующими его жизни обстоятельствами или по какой-либо аналогии» [16].

Уникальность прозвищ как объекта для изучения с точки зрения гендера заключается в том, что гендерная сема эксплицитно или имплицитно присутствует практически в каждой лексической единице. Мужчины и женщины в кругу общения носителя прозвища обязательно имеют личное мнение об этом человеке, сопряжённое с его визуальным обликом, характером, манерой поведения, известными увлечениями и т. д. Это мнение не обязательно должно быть связанным с социобиологическим полом объекта. Однако в любом случае так или иначе затрагивается гендер – отнесённость к мужскому/женскому. Присутствие гендера может быть как явным, так и скрытым, когда гендерная сема обнаруживается при анализе лексического значения прозвища. Однако в прозвищах молодых людей, основой номинации которых стала принадлежность к некоторым субкультурам, может и отсутствовать явно выраженный гендерный компонент.

Фактическим материалом для нашей статьи послужили анкеты, которые были собраны в учебных заведениях г. Смоленска. Использовался также метод прямого интервьюирования.

На базе собранного материала мы выделили три группы прозвищ в зависимости от степени выраженности принадлежности по полу:

а) идентификаторы, явно и ярко отражающие гендер (*Граф, ЛЕди, МАть, СупермЭн, ШварценЕггер, ФЕя*);

б) прозвища, на пол носителей которых указывают лишь суффиксы и окончания (*ВолчИц[а], ЗелЁн[ый], КОшк[а], Мал[ой], МалЫшк[а], РадИстк[а], Сив[ая]*);

в) именованья, обладателями которых могут быть и женщины, и мужчины (*БЯка, ГлаввРАч, ЛЕзвие, МОзг, ПАнда, СтАроста*).

Мы провели подробный анализ прозвищ, носителями которых являются 145 студентов учреждений среднего профессионального образования. Исходя из выше изложенной типологии проявления гендера в молодёжных прозвищах, мы статистически обработали полученные данные анкет.

Рассмотрим самые яркие примеры реализации гендера.

Женские прозвища с ярко выраженным проявлением гендера в семантике (13,8%) представлены, например, такими именованьями, как *Весна, Кристи, ЛЯля, МатрОна, МоркОвка, МУрочка, РОза, МолдовАночка*. Эти именованья однозначно определяют социальный пол носителя. В них первостепенно заложена гендерная сема, заведомо определяющая половую принадлежность обладателя именованья. Так, невозможно соотнести прозвище *МатрОна* или *РОза* с образом мужчины, так же, как и сложно представить себе парня с прозвищем *Весна* или *МолдовАночка*. Усечённый вариант женского имени *Кристина* – прозвище *Кристи*, так же, как вольное сокращение имени *Юлия*, ставшее прозвищем *ЛЯля*, и прозвище, напоминающее кличку кошки – *МУрочка*, – однозначно свидетельствуют о гендерной отнесённости носителей к особам женского пола. Именованье *МоркОвка* также следует считать сугубо женским, потому что производная основа самого апеллятива – *морковь* – является неодушевлённым существительным женского рода, но и присутствующий в морфемном составе слова суффикс женского рода –*к*– усиливает семантический гендер идентификатора.

Грамматический элемент (21,4%) помогает гендеру получить отражение в строе, например, таких прозвищ: *БотАнка*, *ЕвгЕша*, *ЗлОбная*, *КолобчИха*, *КрАсная*, *МалАя*, *МалЫшка*, *ПЮночка*, *ПрАзднично ПУхлая*. В состав прозвищ-существительных *БотАнка*, *КолобчИха* и *МалЫшка*, помимо окончания *-[а]*, входят суффиксы женского рода *-к-*, *-их-* и *-ышк-*, которые образуют семантическую оппозицию гипотетическим прозвищам *БотАн*, *КолобОк* и *МалЫш*. Именования-прилагательные *ЗлОбная*, *КрАсная*, *МалАя*, *ПрАзднично ПУхлая* можно считать прозвищами с гендерной отнесённостью к женскому роду/полу, так как имеют окончания *-[ая]*. В итоге мы получаем женские именования, соответствующие биологическому полу носителей и вызывающие в представлении слушателя женские образы.

Женскими прозвищами без явного проявления гендера (37,2%) можно считать такие именования, как *АнчОус*, *ВодИка*, *ДИзмар*, *НИ-НИ*, *ПлЕсень*, *СОкол*, *Фунтик*, *ЯнлИн*. Данные идентификатора не вызывают у слушателя каких-либо определённых ассоциаций относительно половой принадлежности носителя. Так, люди с прозвищами зоологического и ботанического происхождения *АнчОус*, *ПлЕсень* и *СОкол* могут быть как мужчинами, так и женщинами. Морфологическая принадлежность имён существительных, от которых образованы антропонимы, никак не влияет на ассоциативный ряд, возникающий у человека, впервые услышавшего эти прозвища. Аналогично и мультипликационный персонаж, имя которого положено в основу именования *ФУнттик*, никак не способствует гендерному отнесению прозвища к мужским или женским. Что касается идентификаторов *ВодИка*, *ДИзмар*, *НИ-НИ* и *ЯнлИн*, то они не вызывают каких-либо конкретных ассоциаций.

Среди явных гендерных прозвищ юношей (10,3%) выделим, например, такие: *Борода*, *КабАн*, *КЭп*, *ПавлО*, *ТарАс*, *ТрОцкий*. Так же, как и борода является сугубо мужским атрибутом внешности, то и прозвище *Борода*

ассоциируется исключительно с носителем мужского пола. Это же можно сказать и об идентификаторе *КабАн*, апеллатив которого издревле являлся символом силы и ярости – свойств, присущих скорее мужчине, чем женщине. Прозвище *КЭп*, образовавшееся от усечённого имени существительного *капитан*, следует считать именованим с ярко выраженной гендерной семой, так как исторически капитанами, то есть предводителями, были преимущественно мужчины. Мужские имена *Павло* и *Тарас*, ставшие основой для образования соответствующих прозвищ, указывают на бесспорное гендерное отнесение прозвищ к мужским. И фамилия известного деятеля – *Троцкий* – не оставляет у слушателя сомнений в отнесении носителя прозвища *ТрОцкий* к мужскому полу. Естественно, существует и женская фамилия *Троцкая* с противоположным гендерным окончанием *-[ая]*, но в данном случае мы считаем прозвище с апеллативом – мужской фамилией *Троцкий* абсолютно гендерным прозвищем в силу того, что он соотносится со всем известной личностью мужского пола.

Суффиксы и окончания идентификаторов являются единственными показателями присутствия гендера в таких именованиях (7,6%), как, например, *БорИсыч*, *КитАец*, *МихАлыч*, *ПетрОвич*, *РумЯный*, *РЫжий*, *ПОнчик*, *ТОлстый*, *ЧупАтый*. Отпатронимные именования *БорИсыч* и *МихАлыч* с помощью суффикса русских мужских отчеств *-ыч-* однозначно указывают на принадлежность носителям-юношам. Прозвище-существительное *КитАец*, относящееся к апеллативу *китаец* с существительным *китаянка* в оппозиции по роду, следует считать мужским за счёт суффикса *-ец-*. Идентификатор *ПОнчик*, в морфемный состав которого входит уменьшительно-ласкательный суффикс мужского рода *-чик-*, также является мужским благодаря этому гендерному показателю. Прозвища-прилагательные *РумЯный*, *РЫжий*, *ПОнчик*, *ЧупАтый* с окончаниями мужского рода *-[ий]/-[ый]* будут мужскими по данным грамматическим проявлениям гендера.

Видимые признаки присутствия гендера в прозвищах не наблюдаются в именовании (9,7%) типа *БОгур, ГУру, ЗУйка, КАч, КЭрс, Одуванчик, СтрЫк*. Учитель-наставник *гуру* также может быть как особой мужского, так и женского пола, о чём свидетельствует общий род существительного. Соответственно, и обладатель прозвища *ГУру* не представляется кем-то определённым – юношей или девушкой. Прозвище *Одуванчик*, данное юноше за особенности внешнего вида, не может быть однозначно проассоциировано слушателем, не знающим об особенностях происхождения данного идентификатора, ибо этот растительный образ является стереотипным, и такие прозвища традиционно в равной степени успешно присваиваются как носителям мужского пола, так и женского. Отфамильные именованья *БОгур, ЗУйка, КАч, КЭрс*, а также ситуативное прозвище *СтрЫк* не способствуют конкретизации социального пола носителя, так как не имеют апеллиатива с явной гендерной семьей.

Таким образом, как мы видим, гендерный аспект бытования прозвищ представляет собой интересное лингвистическое явление. Однако, в силу того, что данная тема пока не исследована в ономастике, хотя в лингвистике гендер сегодня рассматривается на разных языковых уровнях, мы можем сделать лишь предварительные выводы, основанные на наших наблюдениях. На данном этапе исследования возможно констатировать следующее:

1. Гендер в прозвищах присутствует, хотя не все молодёжные прозвища отражают пол носителя, так как сегодня в обществе стираются границы социального разделения полов. И тем не менее стирание гендерных различий – это скрытое проявление гендера.

2. Если гендер присутствует в прозвищах, то он может выражаться разными способами: семантически (через семантическое значение прозвища) и грамматически (структурными элементами прозвища – суффиксами и окончаниями).

3. Грамматическими средствами могут стираться гендерные различия: общий род, средний род, неодушевлённые имена суще-

ствительные, которые становятся прозвищами метафорически – на основе соотнесения по каким-то признакам, присущим как мужчине, так и женщине, т. е. появляется своеобразное «существо среднего пола». Этому способствует субкультурная атрибутика, речевые стандарты и, в том числе, прозвища.

4. В группе исследуемых прозвищ студентов средних профессиональных образовательных учреждений преобладают женские прозвища со стёртым гендерным признаком, тогда как внутри подгруппы находящихся в численном меньшинстве мужских прозвищ больше именованья с семантически выраженным гендером. Прозвища, гендер в которых проявляется грамматически, присутствуют в подгруппах носителей мужского и женского пола примерно в равных долях – 28,2% и 29,3% соответственно.

В дальнейшем исследование прозвищ в гендерном аспекте можно углублять в социологическом и психологическом планах, вскрывая мотивы номинации в разновозрастных группах носителей, что отразит в целом разные культурные коды мужчины и женщины, взгляды на социум, разную психологию и т. д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. – М. – 1995. – №1. – С. 37-67.
2. Брандт Г.А. Человек на обочине, или «место» женщины в истории европейской философии // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. – М.: ИВИ РАН, 2002. – № 4. – С. 148-198.
3. Войченко В.М. Фрагмент речевого портрета современной русскоязычной женщины: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Иваново, 2012. – 24 с.
4. Воронцов Д.В. Гендерная психология общения. Монография. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2008. – 208 с.
5. Горошко Е.И. Особенности мужского и женского стиля письма // Гендерный фактор в языке и коммуникации. Сборник научных трудов, МГЛУ, выпуск 446, – М., 1999. – С.44-60.
6. Добренков В.И. Фундаментальная социология: в 15 т. М.: Инфра-М, 2005. – Т. 10. Гендер. Семья. Родство. – 2006. – 1094 с.

7. Киммел Майкл. Гендерное общество. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. – 464 с.
8. Каменская О.Л. Теория языковой личности – инструмент гендергетики // Гендер: язык, культура, коммуникация. Доклады Второй международной конференции 22-23 ноября 2001 г. – М.: МГЛУ, 2002. – С. 184-188.
9. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. – М.: Институт социологии РАН, 1999. – 189 с.
10. Клецина И.С. Психология гендерных отношений: автореферат дисс... д-ра психол. наук. – СПб, 2004. – 39 с.
11. Костикова А.А. Гендерная философия и феминизм: история и теория // Общество и гендер / Материалы Летней школы в Рязани 1-12 июля 2003 года. – Рязань: Издательство «Поверенный», 2003. – С. 31-42.
12. Кочкина Е.В. Разработка феминистской политологической концепции: изменяющаяся роль женщины и пересмотр теории политики // Хрестоматия по курсу «Основы гендерных исследований». – М.: Московский центр гендерных исследований, 2000. – С. 153-158.
13. Крейдлин Г.Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. – М.: «Языки русской культуры», 2005. – 224 с.
14. Минец Д.В. Гендерная концептосфера женского мемуарно-автобиографического дискурса. Автореф. дисс... канд. филол. наук. – Вологда, 2012. – 22 с.
15. Нечаева Н.А. Идеал женщины в структуре гендерных картин мира // Гендерные тетради. Выпуск второй. – СПб., 1999. – С. 5-19.
16. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А.В. Суперанская; АН СССР, Институт языкознания – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – 187 с.
17. Пушкарёва Н.Л. Гендерная теория и историческое знание. – СПб: Алетейя, 2007. – 496 с.
18. Скоков К. «Женское» мышление в «мужской» культуре // Женщина. Гендер. Культура. – М., 1999. – С. 355-360.
19. Словарь гендерных терминов / под ред. А.А. Денисовой. Региональная общественная организация «Восток-Запад»: Женские инновационные проекты. – М.: Информация–XXI век, 2002. – 256 с.
20. Усманова А. Гендер и культура в парадигме культурных исследований // Введение в гендерные исследования. – Часть 1: Учебное пособие. / ХЦГИ. – СПб.: Алетейя, 2001. – С. 427-464.
21. Щепанская Т.Б. Миф материнства и техники управления (женские символы и техники власти в русской этнической традиции) // Астарта. Вып.2. Женщина в структурах власти архаических и традиционных обществ. – СПб., 1999. – С. 126-158.